

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

БУДЬ МОЕЙ

МАРИЯ ЛЕТОВА

МАРИЯ МАНИЧ

Мария Летова
Мария Манич
Будь моей. Книга 2
Серия «Только с тобой», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69659020

SelfPub; 2023

Аннотация

– У Арины есть ребенок?– Дочь.В моей башке случается короткое замыкание.– Ты... не говорил... – хрипло замечаю.– Ну а теперь говорю.– Рязанцев отец?Это логично.Кровь приливает к вискам.– Кхм... нет... она наша, Беккер.– В каком смысле Беккер?– Долгая история. Она Альбертовна по деду, если коротко.Сдавив пальцами руль, смотрю в лобовое стекло и не вижу дорогу.В ушах шумит.Ребенок?– Сколько ей лет?***Я больше не наивная девочка, до безумия влюбленная в лучшего друга своего старшего брата. Мужчина, которого я любила, уехал, не собираясь что-либо менять в своей жизни ради меня. Теперь у меня все прекрасно, но он врывается в мою жизнь, как ураган, топча и ломая на своем пути все то, что я построила и к чему я привыкла за годы без него.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	37
Глава 6	50
Глава 7	59
Глава 8	66
Глава 9	73
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Мария Летова, Мария Манич Будь моей. Книга 2

Глава 1

*Ты танцуешь на песке одна
Так горяча, что во мне тают снега
Ты танцуешь на песке одна
В море штиля, но в тоске по нам.
PLS – Навылет*

– Егор сам за тобой приедет? – мама смотрит на меня в зеркало, стоя за спиной и поправляя свою прическу.

– Нет. Я вызвала такси.

В спешке высыпаю на комод перед зеркалом содержимое своей сумочки, потому что потеряла терпение найти в ней помаду цивилизованным способом. Крашу матовым красным губы, этот оттенок прибавляет мне возраста. Укороченные до плеч волосы, которые я теперь ношу именно так, – тоже, но эффект меня устраивает.

Бросаю помаду назад в сумку, из кучи высыпанных наружу вещей беру маленькие серьги с бриллиантами, которые не очень люблю из-за дурацкой застежки, но это подарок, и

я решаю потерпеть один вечер.

– Мы так и не обсудили твой день рождения, – продолжает мама.

– Еще неделя впереди... успеем...

Последние пару лет дни рождения я вообще не праздновала, было не до того, но в этот раз моя семья взбунтовалась, даже мой брат Андрей высказал свое мнение по этому поводу.

– Вот именно, дорогая. Неделя, – вздыхает мама. – Все-таки юбилей. И Егор готовит тебе сюрприз... Нужно выбрать ресторан и меню. Будет много гостей.

– Я знаю.

Оправляю на себе черное платье с открытой спиной, которое откопала на дизайнерской распродаже пару месяцев назад. Юбка-футляр на мне смотрится отлично, особенно такой длины – до колена.

– Ты будто не рада...

– Я очень рада, мама.

Быть центром всеобщего внимания не моя мечта, а дни рождения на тридцать человек – не наша семейная традиция, но рядом с Егором мне постоянно приходится светиться на всяких мероприятиях, и я привыкла быть его аксессуаром.

– Застегни... – прошу, приподнимая на шее волосы.

Еще одно украшение, которое досталось мне в подарок от Рязанцева на нашу годовщину в прошлом году: круглый кулон с бриллиантом в центре. Егор никогда не скупится на подарки. Одно время мне даже казалось, что он хочет меня ими купить, так их было много. Но потом я поняла, что, в отличие от меня, он эти жесты внимания считает обязательными.

Просовываю ноги в черные лодочки и смахиваю с комода содержимое своей сумки обратно в нее, когда за спиной раздается сонный голос:

– Мамочка, ты уходишь?

Софийка трет кулаком глаз и дует губы, остановившись на пороге нашей дачной гостиной, где она уснула вместе с дедом за чтением «Чиполлино».

На ней голубая пижама с белым зайцем на груди и забавный бардак в светлых коротких кудряшках, носок на одной ноге отсутствует.

Сердце сжимается от счастья, лопается от любви.

Сажусь на корточки и раскрываю для нее объятия.

Софи с разбегу ныряет в них и обнимает мою шею руками, цепляясь пальчиками за волосы.

В моей жизни нет ничего соизмеримого с моей дочерью. Она центр моей вселенной, его сердцевина. Когда-то давно я пообещала себе, что никогда больше не люблю, но, как только мне на грудь опустили синий кричащий живой комочек, я поняла, что до этого момента ничего о любви не знала.

– Да, малыш. Я на чуть-чуть, ты даже не заметишь, что меня нет.

Прикрываю глаза, вдыхая детский карамельный запах, и уже никуда не хочу уходить.

– Я тогда тебя подожду...

Я рассчитывала сбежать незамеченной, потому все это время мы с мамой шептались. Моя дочь очень привязана ко мне и болезненно переживает любую нашу мимолетную разлуку. Только полгода назад под натиском мамы я сдалась и решила оставлять Софийку у них на ночь, но каждый раз мне от этого беспокойно, будто без моего маниакального контроля с ней что-нибудь может случиться.

– Ладно... – Сжимаю ее тонкие плечики. – Но если захочешь спать, возьми с собой зайчика и иди, да?

– Я его постирала, – подает голос мама. – Им как будто почистили дымоход.

– Я не разрешала, – бурчит Софи. – Он боится воды...

– Зато теперь как новенький.

– Тогда давай положим его сушиться рядом с твоей кроваткой? – предлагаю выход из ситуации.

Я сто раз обозначала неприкосновенность серого потрепанного зайца, которого мой брат привез Софии из какой-то рабочей поездки, поэтому смотрю на маму с укором.

Мой телефон пищит на комод. Это такси. Напрягаю силу воли, чтобы оторвать от себя дочь, поцеловав ее маленький нос.

Она машет мне рукой, под контролем деда стоя на выходящем во двор окне, и я, перед тем как выйти в калитку, посылаю обоим воздушный поцелуй.

Летние сумерки за городом – небесная манна после пыльной Москвы. Я возвращаюсь в город без особого энтузиазма.

Рязанцев не любит дачу моих родителей, потому что тратит слишком много времени на пробки, когда у него возникает желание забрать меня в город самолично, но в последнюю неделю мы с дочерью отсюда не выбирались.

Такси привозит меня в центр.

Егор ждет на входе в бар с букетом белых роз.

На нем синяя рубашка и темно-синие брюки, в руках мобильник, с которым он из-за работы не расстанется никогда. Рязанцев привлекательный и скромностью в отношении женщин никогда не страдал. Мне нравится, как сидят на его спортивной фигуре брюки и рубашки, которые сейчас составляют почти весь его дневной дресс-код.

– Привет. – Забираю у него цветы, по привычке подставляя щеку для поцелуя, и ныряю носом в букет. – Очень красивые. Не нужно было.

Я равнодушна к розам в любых оттенках, но Егор в такие детали никогда не вдавался, а меня с детства учили не быть капризной.

– Увидел и захотел тебя порадовать, – сообщает, с одобрением меня осматривая.

Его ладонь ложится на мою талию и заставляет подойти ближе, прижаться всем телом.

Даже этот незначительный контакт напрягает его тело. Рязанцев заводится. Мое тело никогда так быстро не отзывается на нашу близость, но Егор знает, что и как в теле женщины работает, умеет доставить удовольствие.

– Я рада, – улыбаюсь, забрасывая руки ему на плечи.

– Порадуешь меня сегодня в ответ?

– Мне нужно вернуться на дачу, я Софийке обещала...

– Тогда на хер этот бар, предлагаю сразу переместиться ко мне. – Егор кладет ладонь на мою ягодицу.

Облизываю губы, глядя в его карие глаза, которые загораются желанием. Я не против переместиться к нему, даже наоборот.

– Выпьем по бокалу и поедem, – говорю. – Я Андрея почти месяц не видела.

– Окей. – Егор подталкивает меня ко входу в бар, разворачивая на месте.

Внутри на всю мощность работает кондиционер. Кожа покрывается мурашками, и я растираю плечи, оглядываясь по сторонам, пока Рязанцев общается с администратором.

В этом баре по вечерам включают неоновую красную подсветку, так что атмосферой накрывает быстрее, чем успеваешь пригубить первый авторский коктейль.

– Нас уже ждут, – Егор кивает на столик в самом конце зала.

Вытянув шею, вижу светловолосый затылок и спину одетого в светлую льняную рубашку брата, который стоит там в компании трех мужчин.

– Поставить цветы в воду? – интересуется администратор.

Рассеянно киваю, передавая ему букет и возвращая взгляд к компании в конце зала.

Двоих мужчин я вижу впервые, а третий...

К горлу подкатывает ком, и мне приходится несколько раз заторможенно моргнуть, чтобы сбросить с себя мгновенное оцепенение.

Влад Градский. Моя больная подростковая любовь и мой первый мужчина, который когда-то был нужен мне как воздух, без которого я задыхалась...

Егор кладет руку на мою талию, ведя вглубь заведения.

– Это что, Градский? – недоверчиво тянет Рязанцев, его рука на моем теле напрягается.

Мое сердце колотится под напором адреналина, который хлынул в кровь при виде знакомого разворота плеч и гибкой фигуры в синем деловом костюме.

Приказываю своему сердцу сбавить обороты. Нас это больше не касается. Смотрю себе под ноги, чтобы глаза не метались.

– Вечер добрый, – громко объявляет Егор и тянет руку для рукопожатия.

Вскинув глаза, сталкиваюсь ими со взглядом стальных серых глаз напротив и, когтями цепляясь за реальность, лечу в

бездну наших общих, пятилетней давности, воспоминаний.
Туда, где я любила владельца этих глаз больше жизни.

Глава 2

Шум в моих ушах мешает концентрироваться на неформальных мужских разговорах за столом, где присутствует единственная женщина – я. Я в подобной компании не в первый раз, и обычно дискомфорта в этом ничего нет, ведь от меня на таких неофициальных встречах ничего не требуется, только улыбаться и иногда подавать голос, но сейчас мне душно...

Мне душно.

Подняв к горлу руку, просовываю палец под высокий воротник своего платья и оттягиваю его вниз.

Я чувствую взгляд, на который хочу ответить!

Встретить его со всем своим хладнокровием и самообладанием, но для этого я хотя бы должна была быть готова. Должна была знать, КОГО увижу сегодня вечером, и пережить всю эту карусель кружащих меня эмоций наедине с собой, а не на глазах у такого количества свидетелей.

Нам с Егором уступают большой кожаный диван, Андрей и двое мужчин, имена которых я сейчас не в состоянии запомнить даже на час, садятся за стол так, что Градский оказывается напротив нас с Рязанцевым.

Я все же поднимаю глаза. Хладнокровно или нет, но мне это необходимо.

Он смотрит прямо на меня. Смотрит через стол без на-

пряжения, каких-то эмоций, но неотрывно. На мое лицо, волосы. Больше всего на мое лицо.

Изнутри меня обжигает ядовитым кипятком.

Зачем он смотрит? Что ему нужно?! Пять лет. Пять гребанных лет прошло!

Я уже не та двадцатилетняя дурочка, которая верила в любовь и не верила в секс без любви. Я научилась трахаться без чувств, как он и завещал, и мне это понравилось. Да, понравилось. Зачем что-то отдавать, когда можно только брать, брать, брать.

Мои глаза предательски фиксируют все. Все. То, что он сменил прическу, теперь он носит более короткую и консервативную стрижку. То, что уголки его строгих губ опустились, будто он редко улыбается, а морщинки на лбу стали глубже: в двадцать шесть они были еле заметны, теперь же делают его старше, грубее, серьезнее. То, что он стал чуть крупнее, будто нарастил мышцы на крепком торсе, хотя он жилистый и гибкий, как и прежде.

– Град вчера прилетел, – говорит мой брат, хлопая своего некогда лучшего друга по плечу.

Я знаю, что последние пять лет они поддерживали связь, но общались урывками. Андрей занимался расширением своего бизнеса. Вместе с Рязанцевым они строят дома на Бали, и продают их клиентам Андрея через его фирму. Мой брат и Градский изредка встречались за границей, когда их

местоположение совпадало, ведь Влад менял страны как перчатки. Англия, Япония, Китай, Индонезия...

Я не знала, увижу ли его когда-нибудь снова.

Отголоски тех дней, когда я металась внутри себя от этого понимания, тупой фантомной болью отдаются в груди.

Мне надоело себя мучить. В какой-то момент я перестала следить за перемещениями Градского по свету. Перестала следить за его жизнью, убегала от новостей о нем как могла. Я знала главное – он был далеко и возвращаться не собирался.

Что изменилось теперь?!

Те дни, наш ненормальный чокнутый роман без правил, которые Влад так не любил... никто о нас не знал. Никто, кроме моей подруги. Эти дни были только нашими. Только моими. Фейерверком из моих чувств и эмоций. Даже спустя годы они тлеют в душе воспоминаниями, к которым я боюсь прикасаться...

Я ни о чем не жалею. Не могу жалеть.

– Надолго ты у нас? – подаю голос, решаясь задать вопрос, который рвется из меня, как неуправляемый кашель.

Мне нужно знать, необходимо.

– У вас? – забавляется он моей формулировкой, чуть выгнув прямые темные брови.

– Да, у нас, – повторяю спокойно, забирая у официанта свой бокал с игристым.

– Еще не решил, – отвечает Влад без тени веселья или

лени.

Моего плеча касается рука Егора, и он по-свойски прижимает мое тело к своему боку.

Влад провожает этот жест глазами, но выражение его лица настолько закрытое и нечитаемое, что я просто отворачиваюсь.

От звуков его голоса внутри что-то с надрывом трескается. Пять лет. Я не видела его пять гребанных лет.

– Один бокал, и уходим, – напоминает Рязанцев, повернув мое лицо к себе.

Его пальцы держат мой подбородок. Он оставляет поцелуй на моих губах и заглядывает в глаза.

– Да? – спрашивает с нажимом.

Я готова выпить этот бокал залпом. И я готова уйти. Сбежать. Поэтому тихо отвечаю:

– Да...

– Егор, пошли покурим, – Андрей кивает на двери веранды, которая есть в этом заведении. – Китайцев обсудим, пока ты не ушел. Эти ребята такие прыткие, что я их боюсь. Как ты жил среди них, ниндзя? – а это уже обращение к Градскому.

– Я жил в Тибете, – поправляет тот.

– Медитировал? – усмехается Егор.

Он снимает с моего плеча руку и поднимается из-за стола

вслед за Андреем.

– Вроде того, – отвечает на его вопрос Влад, откинувшись на спинку стула. – Искал себя.

Егор и Андрей скрываются на веранде, которую со своего места я вижу отлично.

Недавно мой брат начал курить, отчитывать его за это сложно. Чем больше ответственности у него появляется, тем сильнее портится его характер, в нашу последнюю встречу мы даже поссорились.

Несколько минут я рассматриваю обстановку. Болтаю игристым в бокале и проверяю телефон. Все что угодно, лишь бы не смотреть перед собой, на сидящего напротив мужчину.

Двое гостей, владельцы юридической фирмы, с которой брат планирует сотрудничать в ближайший год, отправляются к бару, оставляя нас с Градским за столом наедине.

Мне приходится перевести на него глаза, потому что я не собираюсь вести себя по-детски.

Влад никуда не планирует уходить.

Он подносит к губам маленькую чашку черного кофе, который пьет этим вечером, глядя на меня поверх нее.

Теперь, когда мы одни, я чувствую его присутствие острее в сотню раз!

Ему тридцать один. Несмотря на наше общее прошлое, мужчина, сидящий передо мной, – незнакомец.

Я не знаю, о чем с ним говорить. Не знаю даже, хочу ли. Может быть, я хочу уйти и больше никогда его не видеть.

Выжечь, травить его из головы, как уже делала однажды, но на мое горло давит неожиданный предательский ком, и я злюсь на себя за то, что даже пять лет спустя не могу смотреть на него без разрывающих душу эмоций.

– Нашел? – спрашиваю, глядя на Градского.

Я не пытаюсь придать своему голосу дружеский оттенок, не пытаюсь быть приветливой и радушной. Я хочу быть самой собой. Рядом с ним я никогда не носила маски, а если и носила, они быстро с меня слетали.

– Что? – уточняет он.

– Ты нашел себя?

Он трет пальцем край кофейной чашки, глядя в нее пару секунд, а когда поднимает глаза, говорит:

– Это долгая история, Арина. Хочешь послушать?

– Нет... – выдыхаю. – Но я рада, если у тебя получилось и теперь ты счастлив.

Я ничего не хочу о нем знать. Ничего... мне это не нужно...

Смотрю поверх его плеча на дверь веранды с надеждой, что мужчины скоро вернуться.

– А ты счастлива? – Хриплые нотки в его голосе путают мои мысли.

– У меня все хорошо, – отвечаю быстро.

– Когда ближайший концерт? Хочу тебя послушать.

От последнего замечания меня бросает в жар.

За этими словами я чувствую пошлый подтекст, и смотрю

на Градского с подозрением.

Влад невозмутим.

Пьет свой кофе как ни в чем не бывало и смотрит на кулон у меня на груди.

Я трогаю подарок Рязанцева пальцами.

Раньше я носила другой. Простой серебряный скрипичный ключ на длинной цепочке. Подарок Градского.

– Я больше не играю, – говорю ему.

– Не играешь? – переспрашивает, будто не расслышал.

– Нет.

Брови Влада сходятся на переносице, глаза впиваются в мое лицо, будто пытаюсь разобраться в том, что здесь происходит.

Это не его дело.

Раньше музыка была моей жизнью. Я должна была стать дипломированным музыкантом. Пианисткой. А потом я передумала и бросила учебу.

Ладони потеют. Дыхание учащается. Похоже на одну из панических атак, которые после беременности у меня иногда случаются.

Мой телефон вибрирует, и я опускаю глаза.

– Прости, мама звонит. – Схватив с дивана сумочку, я выскальзываю из-за стола и пробираюсь к выходу, жестом показывая выходящему с веранды Егору, что подожду его на улице.

Глава 3

– Как называется вот эта часть? – показываю пальцем на нотную линейку. – Повторение?

София вдумчиво изучает лежащие перед ней ноты, склонив над ними кудрявую головку.

– Реприз... – выговаривает она, вместо буквы «р» произнося «л».

– Правильно, – улыбаюсь, потрепав ее по волосам. – А в целом как называется это произведение?

– Менуэт...

Закусив губу, смотрю, как Софа ведет пальчиком по бумаге, изучая написанные там ноты. Мы забрались в кровать после завтрака, не снимая пижам. И дочь вместе с игрушками принесла мои старые нотные листы, которые я отдала ей на растерзание. Я не думала, что музыка может ее заинтересовать. Не слушала классику, пока дочь была у меня в животе, и не играла сама. Ее интерес зародился сам собой, а может, в этом ему помогли мои родители.

– Правильно, – снова улыбаюсь. – А что такое менуэт?

– Это... – она шевелит губками и поднимает на меня ясные глаза. – Танец...

– Да. – Заправляю ей за ухо маленькую кудряшку и целую в макушку.

– А кто это написал?

– Моцарт?

Моцарт.

– Да...

На секунду меня вышвыривает из реальности прямо в бар с неоновой красной подсветкой, где позавчера вечером я лицом к лицу столкнулась со своим прошлым. Наверное, со мной что-то не так, раз мысли опять и опять туда возвращаются. Вернее, к нему. К Владу.

Он изменился, и это не дает мне покоя. Будто внутри меня есть щупальца и они тянутся к этому новому Градскому как к источнику пропитания.

Меня не гложет чувство вины перед Рязанцевым за то, что сбежала от него и нашей близости под выдуманным предлогом, но мне показалось, будто его это разозлило. Я соврала. Сказала, что у Софийки поднялась непонятная температура. Никогда раньше не шутила такими вещами, но мне нужно было побыть одной, и наша совместная с ним дорога за город стала для меня пыткой. Он весь путь молчал. Я не пыталась сгладить ситуацию, для этого в моей голове не было места. Мы никогда не ссоримся, всегда решаем наши проблемы без ссор и криков, но свою новую проблему я никогда не смогу с ним обсудить.

Может быть, если я спрячу голову в песок, моя проблема рассосется сама собой?

Звонок в дверь заставляет меня встать с кровати и пойти открывать.

– Это Кристина?! – Дочь бежит за мной, стуча босыми пятками по полу. – Она останется со мной, и мы будем играть в больницу? – радостно звенит ее голос.

Никакой температуры у нее нет, и вообще она болеет очень редко, несмотря на то что недавно начала ходить в детский сад, но ролевые игры с Крис в доктора и пациента у нее самые любимые.

Я очень надеюсь, что это Кристина.

Если нет, у меня все шансы опоздать на работу, ведь я даже не начинала приводить себя в порядок. Сегодня у меня выходной, но Андрей позвонил и попросил приехать на несколько часов.

Примерно год я работаю в фирме брата, в основном удаленно, но пару раз в неделю выезжаю в офис. Я организовываю сделки с недвижимостью. Год назад я об этой сфере ничего не знала, теперь же я в штате Андрея, и мое направление – балийская недвижимость. Это смешно, ведь сама я там никогда не была. Я никогда не занималась документами, и в самом начале мои мозги раз в неделю перегорали от притока информации, которую пришлось усваивать.

Крис ураганом залетает в мою квартиру, сваливая на комод свои вещи: сумку, пиджак и какие-то документы. Им достается больше всего. Подруга швыряет папку так, будто от нее воняет.

– Привет... – буркает мне и улыбается моей дочери. – Привет, конфетка...

– Целоваться! – хихикает Софи.

Крис наклоняется и оставляет на ее вытянутых в трубочку губах легкий поцелуй.

Она взвинчена, на щеках красные пятна, распушенные волосы слегка взлохмачены, и все это не особо вяжется с ее одеждой – на ней юбка-карандаш и белая заправленная в нее блузка.

– Ты что, сегодня работаешь? – удивляюсь.

Она рекламщик в одной небольшой фирме, из которой давно мечтает уволиться.

– Нет... – отвечает. – Я была у адвоката. Консультировалась.

– Какого адвоката? – выгибаю брови.

– По разводам.

Она посылает мне очень говорящий взгляд, таким образом прося ни о чем не спрашивать.

– Потом... – молит, роясь в своей сумке.

Она вышла замуж в прошлом году. Из всех сумасшедших поступков в ее жизни этот, на мой взгляд, действительно был ошибкой. Я пыталась ей об этом сказать, но она запретила касаться темы своего «выбора». Ее муж двадцатидвухлетний избалованный отцовскими деньгами кретин, с которым я стараюсь общаться как можно реже.

– Я в душ. – Быстро ретируюсь, оставляя Софию на попечение Крис.

Я боюсь доверять дочь няням. Полагаюсь только на самых

близких людей. Родителей, брата и единственную подругу. Я знаю, из-за этого возникает куча проблем, но я просто не могу. Не могу довериться ее постороннему человеку и не сойти с ума, каждую минуту дергаясь и проверяя телефон. Немного спасает частный детский сад, расположенный недалеко от офиса и моей квартиры. Там есть камеры, и я могу подглядеть, чем занята моя малышка в течение дня.

– Что нового? – спрашивает подруга, когда я усаживаюсь перед зеркалом, чтобы сделать себе быстрый макияж.

Софи прыгает на кровати, под грохот из музыкальной колонки.

Крис пьет кофе, присев на крышку пианино, которое в моем доме давно заросло пылью и превратилось в склад нашего с дочерью хлама. Ей пора знакомиться с клавишами, но я... оттягиваю этот день уже несколько недель. Не потому что ленюсь разбирать бардак, которым завален инструмент, а потому что... я... просто не могу...

Глядя на Кристину через зеркало, я не могу вот так с разбегу сказать то, что должна. Поделиться с ней своими новостями. Слова стрянут у меня в горле как заколдованные.

Рисую стрелку на веке, но из-за волнения она выходит как попало. Стираю, бросив карандаш на стол.

– Градский в Москве, – говорю быстро.

Крис давится кофе, расплескав немного на блузку.

– Че-е-ерт! – рычит, вытирая ладонью коричневые пятна. – Надолго?

– Он не сказал.

– Вы виделись?!

Подняв на нее лицо, я медленно киваю, опять вспоминая встречу, после которой почти не спала.

– Неспециально. Он приехал не ко мне, – выплескиваю из себя смешок.

– Зачем вообще притащился? – шикает Крис.

– Мне все равно...

– Может... – Она кусает губы. – Может, нам уехать в отпуск? Ты, я и София. Мы пять лет вместе не отдыхали, выходные у вас на даче не в счет...

– Ты предлагаешь мне сбежать? – Мы переглядываемся.

– Может быть, – тихо говорит она. – Я переживаю. Я видела, помню, что было с тобой после катка по имени Градский. Такое не забывается.

– Такого больше не будет. Я тебе обещаю, – произношу, отворачиваясь к зеркалу. – По-моему, мои родители еще не пришли в себя после нашей последней поездки.

Мы смотрим друг на друга, и Крис первая прыскает от смеха.

– Наверняка, – кивает она. – Они ждали с турецкого курорта сувенир, а ты привезла ребенка. Такое тоже не забывается.

– О да... – Встаю, собираясь одеться.

Я выбираю бежевое платье со строгой юбкой по фигуре до колена. И туфли-лодочки, в которых была позавчера в баре.

Я помню все. Даже белье, которое было на мне в том чертовом баре. А еще я помню каждую секунду нашего разговора, каждый взгляд, которым мы обменялись, и хочу распять себя за это.

Пока я еду в офис, мое настроение портится. Пляшет. Скачет оттого, что в груди поселилось тревожное беспокойство. Оно выбивает меня из колеи. Переворачивает с ног на голову привычные вещи.

За рулем машины я остаюсь наедине с собой и могу себе не врать. Мне не все равно. Появление Градского растревожило темные закоулки моей души, к которым давно никто не притрагивался, даже я сама.

Я хочу, чтобы он поскорее убрался из города и из страны. Чтобы наши с ним судьбы опять стали параллельными прямыми без точек соприкосновения.

У меня все отлично.

Я ничего не хочу менять!

Моя жизнь отлаженная, выстроенная правильно. У меня все отлично. Все так, как мне нужно. У меня есть работа, мужчина, с которым мне чертовски комфортно, и чудесная дочь. Мой собственный центр вселенной.

Вхожу в офис Андрея, чуть опаздывая, поэтому мне приходится ускорить шаг.

Каблуки бодро стучат по начищенному до блеска мрамору вестибюля, к груди я прижимаю рабочий планшет и телефон.

Брат торопился на какую-то встречу, и из его слов я тол-

ком не поняла, что ему от меня понадобилось. Он просил приехать к десяти, но внутри малого кольца пробки, а я не особо искусный водитель. Я всего полгода за рулем, даже навигатор не спасает мою маневренность.

Помощница Андрея говорит, что брат уехал из офиса пол часа назад, а меня ждет новый клиент, которого наш босс велел передать мне.

– Ясно... – Забираю у нее брошюры и прижимаю к груди вместе с планшетом. – Там? – киваю на дверь в конце коридора.

Своего кабинета у меня нет, обычно я встречаюсь с клиентами там, в зале для переговоров.

– Да. Кофе принести?

– Да, зайди через пару минут, – прошу и делаю глубокий вдох, чтобы выровнять немного сбившееся дыхание.

Пройдя по коридору, нажимаю на ручку и тихо вхожу в комнату, залитую утренним солнечным светом.

Сердце пропускает удар, дыхание снова сбивается, потому что за столом лицом ко мне сидит Градский, который вскидывает голову и удивленно смотрит на меня в ответ.

Глава 4

– Привет, – произношу хрипло и злюсь на себя за то, что голос подводит.

– Привет...

Он убирает телефон, в котором копался. Кладет его на стол экраном вниз, чуть сдвинув брови на лбу.

Я в неменьшем ступоре.

Мне нужна минута, чтобы собраться.

Чтобы перестать смотреть на его лицо с интересом, зародившемся на клеточном уровне, который мне необходимо победить.

Отворачиваюсь, закрывая за собой дверь, и, воспользовавшись моментом, прочищаю горло. Пытаюсь придать лицу спокойствие и хладнокровие, и у меня это получается. Возможно потому, что я была готова увидеть его снова, хотя не думала, что это произойдет вот так скоро. Один на один.

– Извини, опоздала. Пробки. – Отодвигаю для себя стул через одно место от Влада.

Нас разделяет почти метр, и мне этого мало. Хочется оказаться в другом конце комнаты, а еще лучше – на улице.

Раскладываю перед собой буклеты и планшет, телефон опускаю экраном вниз, так же, как и Градский, и наконец-то поднимаю глаза.

Он одет в джинсы и серую футболку. Неформальный на-

столько, насколько это возможно. Футболка идет ему не меньше, чем деловой костюм. Она подчеркивает отличную форму и то, что на правильном питании у него пунтик.

Андрей мог бы предупредить. Мог бы предупредить меня, черт возьми!

В последнее время в голове моего брата такая каша, что ему не помешал бы отпуск. Я не знаю, говорили ли они обо мне хоть когда-нибудь. Судя по всему – нет, иначе его друг не был бы так удивлен сейчас.

– Я сам только что приехал, – Влад смотрит на буклеты и возвращает взгляд к моему лицу. – Ты работаешь у Андрея? – спрашивает с легкой озадаченностью.

– Да, уже больше года.

Я не собираюсь ему рассказывать, как дошла до этого, поэтому быстро перевожу тему:

– Так что тебя интересует в Индонезии? Конкретно вилла на Бали? Или рассматриваем и другие острова?

– Погоди, – тянет Градский. – Ты забросила музыку ради работы риелтором?

Я слышу в его голосе разочарование, какое слышу каждый раз от любого из тех, кто знал меня как повернутую на музыке студентку консерватории.

– Музыка меня больше не интересует.

– Почему?

Болтать с ним как старые добрые друзья? Обходить углы. Делать вид, будто той недели нашей жизни никогда не было

или она в таком далеком прошлом, что и вспоминать не стоит?

Я думала, что способна на такое, если придется, но сейчас понимаю – нет. Мои нервы натянуты и звенят вкривь и вкось, как гитарные струны под пальцами дилетанта.

– Это долгая история, – небрежно взмахиваю рукой. – А у меня времени мало, – натягиваю на лицо улыбку. – Так значит, Бали? Смотрим виллу, апартаменты или таунхаусы? – Беру в руки один из ярких буклетов.

Влад изучает меня пристальным взглядом бесконечно долгие секунды, в течение которых мы зависаем в тишине. В задумчивости он стучит пальцами по бедру, обтянутому голубой джинсой, и наконец-то прерывает эту молчанку, отвечая:

– Вилла в кондоминиуме в Zen Quarter, – произносит на идеальном английском. – Возможно California quarter.

Он подается вперед и упирается локтями в колени, наблюдая за мной из этой позиции. Наблюдая. Раздражающе пристально и не скрывая этого. Я ощущаю его внимательный взгляд каждой клеточкой своего тела. На лице, плечах, груди и скрещенных лодыжках.

Это нервирует.

Кожа покрывается мурашками.

– Хороший выбор... – Ныряю в планшет, концентрируя на нем внимание. – В «Калифорнии гарден» виллы дешевле. Молча листаю предложения в оговоренных районах. Се-

кунды тянутся бесконечно долго, словно кто-то решил подшутить надо мной и поставить время на паузу. Я продолжаю чувствовать на себе его взгляд и уже готова попросить, чтобы прекращал пялиться, но от необходимости творить глупости спасает ненавязчивый стук в дверь.

Наталья, помощница Андрея, заходит в переговорную, держа перед собой поднос. На нем небольшой кофейный набор и два стакана с водой.

– Кофе... – предлагает выверенным профессиональным голосом. – Сахар? – интересуется у Влада.

Тот отрицательно качает головой, вновь обращая ко мне взгляд.

Успеваю отвести свой до того, как наши глаза опять встретятся.

– Ты определился с количеством спален?

Жду его ответа, глядя на дисплей, по которому бездумно скольжу пальцем.

Мой вопрос гораздо больше, чем просто рабочий момент. В нем много опасного смысла для меня, ведь прямо сейчас я узнаю, есть ли у Градского семья.

У него нет кольца, но ведь это ничего не значит, уж я это точно знаю. Пять лет назад он был женат, и об этом никто не знал. Мало кто, по его же собственным словам.

– Четыре спальни, – отвечает он, когда Наталья выходит за дверь, оставляя нас наедине. – Одна хозяйская, две гостевые и детская.

Я делаю бессмысленную пометку у себя в блокноте, зависнув на секунду.

Детская.

– Бассейн?

– Конечно.

Внутри меня скручивает.

Я и была, и не была готова. Я не хотела ничего о нем знать, но реальность тычет меня носом в его дела против моей воли!

Глушу любые чувства, замораживая их в зародыше.

Я спрашиваю его о предпочтительной удаленности от основных точек инфраструктуры и понимаю, что обсуждаемые районы острова он знает гораздо лучше меня. Знает как человек, который прожил в этом регионе какое-то время. Он разбирается в вопросе. Судя по всему, решение приобрести там недвижимость не секундный порыв. В любом случае это хорошая инвестиция. Кому, как не ему, об этом знать, ведь инвестиции – его работа.

– Ты там был?

– Да, – отвечает, поднимая чашку с кофе. – Жил там последний год.

– Тогда ты знаешь, что на этом побережье много местных, это не всем подходит. Еще там почти нет хороших школ и медицина ниже среднего... Может быть, для ребенка лучше подойдет... – Хмуря лоб, листаю страницы лежащего передо мной каталога.

Я не успеваю закончить свою нервную мысль.

Он обрубает ее спокойным заявлением:

– У меня пока нет детей. И эти районы активно развиваются. Слишком много новой недвижимости, инфраструктура не будет стоять на месте.

Пока нет детей.

То есть, он их планирует. Это нормально даже для него, чему я должна удивляться?!

Меня смущает то, что он дает мне урок, а не наоборот. Это моя работа: знать о недвижимости в продаваемом месте все. Но сейчас все, о чем я могу думать, – что верну этого клиента своему брату вместе с пожеланием катиться в задницу.

Пусть катятся туда оба.

– Ладно... посмотри тогда вот эти два варианта. Это то, что можно оформить в собственность прямо сейчас, сегодня. Это на тот случай, если ты спешишь. Если нет, я поищу еще и подготовлю тебе полное портфолио.

Мазнув взглядом по открытым на моем планшете вкладкам, Влад спрашивает:

– Ты нервничаешь?

Сжимаю пальцами планшет.

– Да, – смотрю на Градского. – Не могу вспомнить, включила утюг или нет.

Он кривит губы в так хорошо знакомой мне усмешке.

В ответ на нее стрелой меня пронзает ощущение, что изменения в нем только видимые, а не проросшие с корнем.

Что он такой же, каким я его помню. Но это не может быть так. Он другой... он изменился. Он и раньше был уверен в себе, а сейчас... от него веет внутренним спокойствием. От его глаз, от его движений, от тембра его голоса. Оно ощущается даже в воздухе.

Эта энергия слишком волнующая, чтобы я могла ее игнорировать. Слишком притягательная.

– Я не кусаюсь, Арина. Расслабься.

Сказав это, он демонстрирует свой собственный совет: откидывается на стуле, устраиваясь в нем поудобнее. Широко разводит колени, выдвигая ноги вперед и складывает руки на животе. На его лице полное умиротворение и согласие с миром, только серые глаза цепко следят за моей реакцией.

Я подсознательно ищу в каждом его вопросе подвох. В задницу все его провокации!

– Зато я умею кусаться, – сообщаю ему.

– Интригующе... – вскидывает он бровь.

Это не похоже на беседу двух старых приятелей. У меня от напряжения покалывает затылок. Запустив руку в не до конца высохшие волосы, пропускаю их сквозь пальцы, вновь ощущая, как Влад смотрит. Пялится.

– Так что насчет этих двух домов? – закрываю тему, глядя на него с вызывающим профессионализмом.

– Какой нравится тебе?

– Мне? – тоже выгибаю брови.

– Да. Тебе. Ты, наверное, их все хорошо изучила.

– Мне нравится вот этот. Без детской.

– Почему?

– Потому что в такое райское место люди приезжают тратить.

Я наслаждаюсь повисшей тишиной.

Наслаждаюсь тем, что ему нужно время, чтобы ответить на *мою* провокацию, раз уж он решил, что может провоцировать меня из позиции своего железобетонного умудренного дзена.

Градский обводит мое лицо глазами, глядя исподлобья.

Ему идет новая стрижка, и я, разглядывая его при дневном свете, обнаруживаю еле заметную седину на висках.

– Времена меняются, – замечает наконец-то. – Плюс, по опыту своих друзей знаю, что одно другому не всегда мешает.

– Ты спросил мое мнение, я его озвучила, – пожимаю плечом.

– Отлично. Продолжим? – кивает он на мой планшет.

– Я уже поняла твои запросы, – отвечаю, собирая со стола брошюры. – Я подготовлю вариантов пять или семь, чтобы сузить круг поисков, и пришлю тебе на почту. Если ничего не приглянется, будем делать подборки до победного. Мы организуем рум-тур по видеосвязи и посмотрим дома изнутри, у нас там есть свой офис, не волнуйся. Оформление всех документов, как ты знаешь, мы берем на себя, тебе даже не обязательно оставаться в Москве.

– Ты сегодня здесь только из-за меня? – спрашивает он, игнорируя мой намек на то, что он свободен как ветер и может лететь хоть на Северный полюс, лишь бы там был интернет и телефонная связь.

– Это моя работа, – пожимаю плечом и встаю. – Нет ничего ужасного в том, что из-за тебя мне пришлось выехать в офис.

– Тебя подбросить? – Влад тоже поднимается на ноги, пряча руки в передние карманы джинсов.

– Я на машине, – бросаю на ходу, огибая стол.

– Ты водишь машину? – Снова удивление, заставляющее меня остановиться.

– Да, вожу, – смотрю на него через плечо.

– Помню, ты собиралась никогда не садиться за руль. Я начинаю бояться...

Мое терпение лопается.

Чего он добивается?!

– Все меняется, как ты и сказал, – говорю ему. – Прошло пять лет, Влад. Ты больше обо мне ничего не знаешь, я о тебе – тоже.

– Давай это исправим, – вдруг предлагает он. – Поужинаем?

Я запинаюсь с ответом. Смотрю на него, замерев на месте. Мою заминку выдает все. То, что рука зависла над дверной ручкой, и то, что смотрю на него не моргая.

Он ждет моего ответа с ненавязчивым вопросом на лице,

но глаза по-прежнему буравят мои, считывая реакцию.

На секунду меня обступают сомнения.

Это оливковая ветвь? Ее он предлагает?

Мы могли бы... остаться друзьями?

Ведь мы не враги.

Просто поужинать. В этом нет ничего ужасного.

Я медлю и медлю с ответом, затягивая паузу, и вижу, как дергается мускул на щеке Влада, внося крошечный диссонанс в спокойствие, которым он так щедро делится со мной сегодня.

– Сегодня я ужинаю с Егором, – отвечаю, откашлявшись.

– Мы можем поужинать после твоего ужина с *Егором*, – невозмутимо предлагает Градский.

– После ужина с Егором я планирую отправиться к нему домой, – сообщаю, расставляя все точки над *i*.

Он чешет языком зубы, сопровождая мой ответ недолгим молчанием.

– Я много чего пропустил, да?

– Ничего для тебя важного. До встречи. – Развернувшись на каблуках, открываю дверь, чувствуя, как предательски дрожат руки.

Глава 5

– Мама, смотри! – голос Софийки звонким писком долетает до нас с матерью. – Вот как я могу!

Она отталкивается ногой в голубой сандалиии от парковой дорожки и пристраивает ее на доске самоката, катится вперед на пару метров, после поворачивает самокат, как лихой байкер свой мотоцикл, так что юбка ее белого сарафана взлетает и кренится вбок вместе с ним. Тут же спрыгивает с самоката и, широко распахнув глаза, ждет наших с мамой восторгов.

– Осторожно! – Мама прижимает к груди руки и сетует, повернувшись ко мне: – Это не опасно?

– Нет. Так она учится лучше чувствовать свое тело и координацию, – объясняю, продолжая следить за дочерью, находящейся в десяти метрах от нас.

Здесь слишком много детей, но у моего ребенка ярко-красная панамка на тот случай, если я вдруг упущу ее из вида. Это мой пунктик. Я всегда боюсь потерять ее из вида...

Крутясь на месте, дочь борется с рулем и разворачивает самокат в обратную сторону. Перебирая ножками, запрыгивает на него, и едет к нам, сосредоточенно выпятив губу. Ее кудряшки из-под панамки развеваются в разные стороны, а глаза цвета сухого асфальта блестят смехом и весельем, как и у всех детей на площадке вокруг нас.

Этот парк расположен недалеко от нашего дома, и летом в жару мы здесь частые гости. Здесь густая посадка деревьев, кроны защищают от солнца и иногда от дождя. Софи успела завести здесь несколько друзей, с некоторыми моя мама обменялась телефонами, чтобы у них были совместные прогулки.

– Мне не нравится эта забава... – негодует мама. – Она и без этой штуки обо все спотыкается...

– Именно поэтому ей и нужна эта штука, – внушаю я.

Софи аккуратно кладет самокат на землю и, разбежавшись, летит навстречу, врзается в мамины ноги, обнимая ее колени.

– Ба! – выдыхает. – Я так тебя люблю...

Моя дочь любит всех. Из множества выученных за четыре года жизни слов «я тебя люблю» у нее самые любимые и самые частые.

С лицом моей матери происходят невообразимые превращения. Сначала блаженная улыбка, потом нежность, потом мама поджимает губы, будто собирается расплакаться...

– Ох, мой ангел... – Склонившись, она целует макушку Софии, приобнимая ее малюсенькие плечики. – Бабушка тебя тоже очень любит...

– До луны и обратно?

– До луны и обратно, много-много раз.

– Я хочу посмотреть белочек... – объявляет дочь, требовательно дергая бабушку за юбку.

– Сейчас маму проводим и пойдем смотреть белочек...

– Мамочка, ты опять уезжаешь? – Поднимает на меня еще секунду назад веселое лицо.

Теперь на нем печаль, и я вздыхаю.

– Мы же с тобой об этом сегодня говорили. – Поправляю ее панамку. – Сегодня вторник, помнишь?

– Да... – Ковыряет пальчиком застежку на сумке своей бабушки.

Сердце обливается кровью, когда она так делает. Грустит и дует губки, заставляя меня не хотеть ничего, кроме того, чтобы остаться с ней и обниматься.

Уже несколько месяцев я приучаю ее к тому, что по вторникам у меня дела. Железобетонно по вторникам мы встречаемся с Егором. Это тот день недели, который я ему обещала. Который мы оба стараемся «не пропускать». В другие дни недели его могут сорвать на какую-нибудь встречу, или я могу оказаться слишком уставшей. Вторник. Это удобно нам обоим.

Я роюсь в сумке, ищу свой звонящий телефон и отвечаю, отвернувшись к жужжащему проспекту.

– Алло... – говорю в трубку.

– Я на месте, – сообщает Рязанцев.

– Хорошо, – отвечаю и запинаюсь.

За оградой парковых ворот синим всполохом на фоне заходящего солнца возникает синий «БМВ» с тонированными стеклами, от вида которого у меня внутри на секунду под-

брасывает все органы.

Эта вспышка паники проходит так же быстро, как и появилась, оставляя меня с колючими мурашками вдоль позвоночника и частичной потерей слуха.

Дура.

Это не машина Градского. Просто очень похожа. Когда-то у него была такая же. Почти точь-в-точь, по крайней мере, по цвету. Такой ни с чем не спутаешь. Я просто ненормальная, разумеется, той машины у него уже давно нет.

Жду, пока успокоится разогнавшийся пульс, ища взглядом дочь.

С появлением в городе Влада я обращаю внимание на вещи, до которых мне много лет не было дела. Старые раны начали вскрываться и кровоточить против моей воли, но мне уже не больно, только дискомфортно! Я хочу в это верить, и не врать себе, особенно по чертовым вторникам.

Софи опять взялась за самокат и чертит на нем вокруг нас с мамой круги, под тихое причитание той об осторожности.

Смех дочери залечивает любые мои душевные рубцы, он заразительный и живой. Настоящий.

Словно через вату слышу голос Егора в динамике.

– Арина? – зовет он, кажется, уже не в первый раз. – Ты где? Черт.

– Я... прямо у ворот, – отвечаю, стряхивая с себя это секундное оцепенение.

– Я уже иду. Стойте там, где стоите.

Возвращаю телефон в сумку, бросая еще один взгляд на парковку за воротами, но там уже нет той машины, которая чуть не вытряхнула меня из кожи.

Выдыхаю из себя воздух. С облегчением. И заправляя волосы за уши.

Егор появляется через несколько минут, прижимая к своему боку огромного мягкого игрушечного гуся.

Закусив губу, я смотрю на игрушку и перевожу глаза на дочь.

Она прячется за ноги моей мамы, исподлобья глядя на приближающегося Рязанцева.

У нее много подарков от него, но она вообще к подаркам беспечна, тем более к тем, которые ей неинтересны в этот день недели. Я уже не сомневаюсь, что этот огромный гусь будет пылиться где-нибудь в углу ее комнаты.

Софийка стесняется Егора и немного боится. Возможно, потому что он крупный мужчина и редко улыбается, возможно, потому, и это мне кажется самым вероятным, что она ревнует меня к нему и ко вторникам.

Понятия не имею, что с этим делать, но в этом вопросе ее упрямство мне нужно переломить. Она не любит, когда при ней он меня целует или трогает, поэтому я попросила его не делать этого. С этим я тоже пока не знаю, что делать.

– Добрый день, – Рязанцев кивает маме и смотрит на меня. – Привет...

– Здравствуй, Егор, – улыбается ему мама. – Как у тебя

дела?

– Отлично, спасибо, – отзывается он. – Как у вас? Как Альберт?

– Тоже, – вздыхает мама. – Мы не пустили его на марафон в этом году. Теперь расплачиваемся...

Кардиолог запретил моему папе нагрузки, он готовится к операции, и довольствуется прогулками на свежем воздухе, но постоянно ворчит. Даже Софию мы оставляем с ним не слишком надолго, чтобы не утомлять его сильно.

– Я об этом слышал, – хмыкает Рязанцев.

Он тянется за поцелуем, но я в последний момент увора-чиваюсь, стрельнув глазами в Софию.

– Потом...

Егор принимает мой сигнал, чуть поджав губы, но соглашается, глядя на мою дочь сверху вниз.

– Привет, принцесса, – говорит, не пытаясь к ней прикоснуться или приблизиться.

София смотрит на него, потом на игрушку и прячет лицо за маминой ногой, и я ее мягко понукаю:

– Поздоровайся с Егором. Он принес тебе подарок.

Она упрямится пару секунд, едва заметно мотнув головой, и я повторяю:

– София.

– Белочка! – взвизгивает и уносится по дорожке, схватив на лету свой самокат.

Упрямая!

Проводив ее глазами, Рязанцев вручает ни в чем не повинного гуся моей матери и сухо обращается ко мне:

– Поехали?

Он не собирается тратить ни минуты нашего вторника впустую.

– Сейчас.

Развернувшись, быстро иду по дорожке и догоняю дочь раньше, чем она успевает разогнаться на своем самокате. Сажусь на корточки, поймав ее локоть, и вижу упрямое выражение на ангельском лице.

– Ты со мной не попрощалась. – Поворачиваю к себе смурную курносую физиономию, легонько надавив пальцем на пухлую щеку.

– Хочу, чтобы ты спала дома, – сводит она бровки.

– Мы же договорились, – напоминаю. – Что такое, маленькая леди?

– Вторники отстой!

– Что?! – ахаю я. – Откуда ты взяла это слово?!

– Влад научил.

Поперхнувшись воздухом, громко спрашиваю:

– Какой... Влад?!

– Из сада...

Черт бы все побрал!

На лбу выступает пот, грудную клетку стягивает от нехватки кислорода.

Тру виски.

Спокойствие, вернувшееся ко мне пять минут назад, превращается во взвинченность, которую задушить можно только бутылкой красного вина!

— Я не хочу больше слышать это слово. — Делаю голос строгим. — Ладно?

— Ладно. Хочу, чтобы ты спала дома, мамочка, — громко всхлипывает Софи, прижимая кулачки к груди.

Ее бездонные серые глаза наполняются слезами. Нижняя губа поджата и дрожит.

Делаю глубокий вдох и нервно оглядываюсь через плечо.

Рязанцев приподнимает руку с часами на запястье, напоминая о времени.

Отвернувшись, смотрю на дочь.

— Хорошо, я вернусь сегодня домой. Но только сегодня. Договорились? И ты сейчас пойдешь со мной и скажешь Егору спасибо за игрушку. Да?

— Да... — шепчет, опустив взгляд, протирая кулачком щеки.

Мы возвращаемся назад и проделываем оговоренный ритуал.

Моя дочь выглядит так, будто ее привели на каторгу, но этот спектакль меня не обманывает. Через пять минут она забудет об этой трагедии и пойдет смотреть своих белочек, выкрутив мне на прощание руки.

Она маленькая, хитрая и упрямая, как баран. Я понимаю это. Понимаю головой, но каждый раз иду у нее на поводу,

стоит ее глазам увлажниться.

Сев в машину, я пристегиваюсь ремнем и стараюсь увидеть за оградой парка удаляющиеся силуэты моих мамы и дочери, но мешают деревья и мельтешащие по дорожкам люди.

Изнутри меня подтачивает все тот же червь. Мандраж, от которого хочу избавиться.

– Извини, – говорю Рязанцеву. – Такой у нее характер...

– Я не обижаюсь на маленьких детей. – Егор расслабляется в водительском кресле, выезжая с парковки.

– Зря, – говорю примирительно. – Дети бывают очень жестокими, знаешь? Я не хочу, чтобы она позволяла себе такое.

– Ей всего четыре, Арина. Ей не понравился гусь, я понял. В следующий раз будет пони. Закажи что-нибудь на ужин, – меняет тему Рязанцев, перестраиваясь в нужный ряд.

Я разглядываю его профиль, думая о том, стоит ли его грузить. Софи любит зайцев, и я говорила ему об этом несколько раз, но у него слишком много других забот, чтобы заморачиваться такими мелочами, как детские игрушки.

– Да... – Достаяю из сумки телефон, собираюсь оформить доставку еды. – Паста? – предлагаю, открывая меню любимого рестораника неподалеку от квартиры Егора.

– На твой вкус. С тобой связался организатор мероприятий?

– Вчера...

– Ты любишь усложнять всем жизни, да? – Он посылает

мне кривоватую улыбку. – До воскресенья четыре дня, ты следишь за календарем?

– Сегодня вторник, – намекаю ему о том, что слежу. – И это не я решила закатить грандиозную вечеринку в последний момент.

– Ты забила на ситуацию. Поэтому нам пришлось взять все в свои руки.

Я не хочу спорить.

Отвернувшись к окну, говорю:

– Твоя сестра заваливает мои мессенджеры фотографиями цветов и тортов. Это день рождения, а не свадьба. Как бы ей намекнуть?

Перед нами резко тормозит какой-то внедорожник, и Егор ударяет по тормозам, рыча:

– Дебил!

От резкой остановки нас обоих бросает вперед. Когда все устаканивается, я уже не могу вспомнить, о чем мы говорили, поэтому начинаю с главного:

– Я сегодня вернусь домой.

– Ясно, – без эмоций отзывается Рязанцев.

Он не спорит и молчит почти всю дорогу до дома. В его квартире работает запрограммированная климат-система. Я чувствую блаженство от идеальной температуры воздуха, когда заходим внутрь, и сбрасываю босоножки, касаясь ступнями прохладного кафеля.

В наших вторниках все так же идеально запрограммиро-

вано. Сначала ужин и обсуждение последних новостей, потом... потом мы занимаемся сексом.

Мой брат срочно улетел в Китай и должен вернуться на неделе. Егор не полетел, чтобы остаться здесь и присмотреть за делами, и, слушая о них, я то и дело теряю мысль, проваливаясь в свои.

Мне есть что ему рассказать об этом дне, но я этого не делаю. Не рассказываю ему о том, что вчера у меня появился новый клиент и что мы оба с ним знакомы.

В отличие от всего остального, это меня не грызет.

Даже спустя время Градский остается чем-то сокровенным и личным. Только моим. Неприкосновенным.

Я просто не могу ни с кем о нем говорить!

Только с Крис, но у нее своих забот выше крыши.

Я без конца гоняю в голове информацию о том, что у него нет детей. И о том, что не хочу знать, есть ли у него жена. Старая или... новая. И о его предложении, которое выбило меня из равновесия.

Я не подобрала для него ни одного дома за вчерашний день, хотя времени у меня было достаточно. Искать, выбирать, подстраиваться под его предпочтения. Вернуть этот проект Андрею – значит повести себя, как капризный ребенок, а я... больше не ребенок... но чувствую себя так, будто запуталась в паутине.

Он предложил ужин. И это то о чем я продолжаю думать. Быть друзьями с Владом Градским, насколько это глупо?

Насколько это реально? Он стал другим человеком? Я точно претерпела необратимые изменения в себе с нашей последней встречи пять лет назад. Моя дочь сделала это со мной, и не только она.

Все эти мысли рождая сомнения в моей голове. Мысли о том, правильное ли решение я приняла тогда, тогда... в прошлом...

– Я в душ, – говорю Егору, допивая свое вино.

– Угу. – Рязанцев складывает в посудомойку тарелки, бросив на меня взгляд.

Он снял пиджак и закатал рукава рубашки.

Мне привычно видеть его таким, но рой моих мыслей не дает расслабиться до конца. Между нами чувствуется напряжение. Он то и дело всматривается в мое лицо, но никак свои взгляды не комментирует. Моя нервозность такая очевидная?

Оставив одежду на тумбочке в ванной, захожу в душевую кабину и закрываю за собой стеклянную дверь, на пять минут отгораживаюсь от всего мира.

Душевая наполняется паром.

Горячие струи щекочут спину, звук захлопнувшейся двери говорит мне о том, что я больше не одна.

И это тоже привычно: прикосновения Рязанцева к моему телу, его голое тело позади моего, его руки на моих бедрах и между ними.

Когда он возбужден, становится нетерпеливым. Он давит

на меня своим напором, сминая в ладонях мою грудь и захватывая ртом мочку уха.

Я упираюсь ладонями в стену и прогибаюсь в пояснице. Закрываю глаза и пытаюсь почувствовать его, расслабиться, отключить голову и получить удовольствие, как делала всегда. Его оргазм дрожью пробирает мое тело, и я жду, пока он схлынет.

– Ты кончила? – хрипит Егор рядом с моим ухом, не переставая его облизывать.

– Да... – шепчу, опустив голову.

Уже сидя в такси, которое везет меня домой, я откидываю голову на спинку сиденья, провожая взглядом ночные огни и думая о том, что сегодня впервые за долгое время соврала Рязанцеву о своем оргазме.

Глава 6

Влад

Кофе в чашке остыл. Пью его мелкими глотками и смотрю на отца, который сидит напротив.

Молчание между нами затяжное, но я не сопротивляюсь. Это не та встреча, которая требует смол-тока.

Он постарел.

Много седины и новых морщин, но вид в целом бодрый, здоровый и привычный.

Завтрак в этом ресторане годный, я здесь уже был пару дней назад. Этот завтрак портит только неловкость, которая сквозит в каждом отцовском слове и в моих словах тоже.

Нам обоим трудно.

Не знаю, о чем с ним говорить. На протяжении последних лет мы почти не поддерживали связь. Сейчас это ощущается особенно остро.

Его тарелка нетронута. Моя тоже.

Зову официанта и прошу себе свежий кофе. Наверное, здесь уместнее коньяк, но я три года не прикасался к спиртному, отвык и просто не охота.

– Будешь еще что-то заказывать? – перевожу взгляд на отца, пока официант здесь.

Беседа у нас не клеится, но к этому не привыкать. Мы всю

жизнь общались, как слепой с глухим, так что ничего нового.

На отце неизменный пиджак с рубашкой под ним и сильно поношенные джинсы. Он никогда одеждой не заморачивался, с годами и здесь ничего не изменилось. Ничего, кроме нас самих.

– Для коньяка еще рановато? – то ли спрашивает, то ли утверждает.

Киваю, вертя пальцами вилку по скатерти.

– Так откуда ты приехал? – Он ведет шеей, будто она у него затекла, и его поблекшие серые глаза пытаются поймать мой взгляд.

Смотреть ему в глаза нетрудно. Трудно демонстрировать отсутствие во мне бурных эмоций от этой встречи. Ничего не прятать, показывать все как есть, хотя другого он, наверное, и не ждал.

– Сингапур, Джакарта, Бали... – перечисляю свои перемещения за последние два месяца.

– Ты посмотрел мир, – кивает он. – Многие мечтают, но не у всех получается.

Вряд ли это было моей мечтой, скорее необходимостью. Мне нигде не было места. Дома тоже не было. Лондон вышел временным пристанищем. Дом я так и не обрел. Это мало похоже на реализацию мечты, хотя мечты с годами меняются, но у меня и здесь проблема. Мечты у меня нет.

– Это опыт, – говорю ему. – В любом случае... везде с собой берешь себя.

Он переваривает мои слова, глядя в собственную кофейную чашку. Качает головой, кивая, будто понимает, о чем я.

Общаться вот так — спокойно — для нас непривычно. Я много чего вытворял в юности, а он... всегда закрывал глаза и давал денег. Наверное, именно это и бесило меня больше любых пиздюлей, которые мог бы от него получить. Скорее всего, он не хотел усугублять и без того сложную ситуацию между нами, я же считал, что ему просто было не до меня.

Он спас больше детей, чем вмещает один средний детский сад. Закрывался в операционной и оперировал с утра до ночи, оставляя меня сначала на попечение бабушки, своей матери, которой, в силу возраста, было тяжело справляться с бунтующим подростком, а потом... потом я был предоставлен сам себе, но насаженные с детства принципы не давали творить что-то действительно необратимое вроде тяжелой наркоты.

Если это была его попытка справиться с нашей семейной драмой и потерей младшего сына, я его не виню.

Просто сам не знаю, чего от него жду. Слов «прости меня»?

Наверное, нет.

В какой-то момент эти слова перестали быть мне нужны, но за этим моментом я гнался очень долго.

Мне было десять, когда мой пятилетний брат пропал без вести на крытом центральном рынке, пока мать выбирала овощи, а мы болтались рядом и, кажется, играли в прятки.

В такой же летний день, как сейчас, но тот день я почти не помню. Какие-то пестрые картинки без единого целого. Я забыл тот день, единственное, что от него осталось, – тупая пожизненная боль в груди от осознания, что пропавший без вести человек совсем не равно мертвый человек. Именно это не дает покоя, наверное, не мне одному, но я научился с этой правдой жить. Она со мной навсегда. Глядя на отца сейчас, я понимаю, что он научился этому гораздо раньше меня и у него были свои методы, о которых я ничего не знаю и вряд ли хочу узнать.

В нашей истории каждый сам за себя. Точно так же, как и моя мать. Глушить *свою* правду она отправилась на другой континент в тот год, когда стало понятно, что в семье нас навсегда останется трое. Мне было одиннадцать. Теперь у нее другая семья, двое детей и муж-американец. Ее я тоже не виню. Мне просто на нее плевать, самое дерьмовое в моем отношении к ней то, что осознание – болезненная штука.

– Ты насовсем? – спрашивает меня.

– Нет.

Я не знал, надолго ли сюда еду, но в любом случае теперь не сомневаюсь, что задержусь.

Отец опять кивает и проводит ладонью по лицу.

Прочистив горло, доводит до меня информацию, которой я и так уже владею:

– Я снова женился. Вот так... в шестьдесят лет...

– Поздравляю, – говорю искренне.

Он поджигает губы, хмурит брови и считает нужным объяснить:

– Мы ровесники. Ольга коллега. Хирург, очень хороший. Так вышло, что мы решили жить вместе... уже два года живем. У нее дети, сын – на год тебя моложе, и дочь... студентка... Все медики.

– Не то что я, – кривовато улыбаюсь.

– Я твой выбор уважаю, – говорит слишком громко. – Ты отличный специалист в своей... области.

Снова улыбаюсь сам себе.

Уверен, он и не рассчитывал получить от меня какой-то толк по части династической профессии. Бабушка тоже была хирургом, заслуженным, а я просто трахался и бухал весь выпускной класс школы, и следующий год тоже. Я поступил в университет с опозданием на год. И только потому, что он оплатил обучение.

– Ты бы стал отличным хирургом, – говорит он вдруг.

– Мы никогда этого не узнаем.

Кивок. Седые брови опускаются. Он стучит ложкой по кофейной чашке, говоря:

– Я бы хотел познакомить тебя со своей семьей. Приезжай на ужин. Может, даже не один. Я бы тоже хотел познакомиться с кем-то важным для тебя.

– У меня никого нет.

– Это дело поправимое. Твои годы молодые. Тогда приезжай один.

Предложение бросает меня на стену, которая стоит между нами даже сейчас, спустя годы. Я понимаю, что это лишнее. Мне незачем знакомиться с людьми, с которыми я не собираюсь поддерживать общение. Сближение с ним самим больше чем на пару совместных завтраков в месяц мне тоже ни к чему. Моя жизнь не здесь. Не рядом с ним, а где... я все еще не уверен. Я все еще ищу свое место, но теперь в состоянии полного контроля над собой.

– Спасибо за предложение, я подумаю, – отвечаю с ободряющей улыбкой.

В его глазах я вижу понимание, что мой ответ означает отказ. Ему придется смириться. Я ненавижу, когда меня к чему-то склоняют против моей воли, поэтому надеюсь, что делать этого он не станет, но ошибаюсь.

– Сын, – смотрит на меня исподлобья. – Пожалуйста, соглашайся. Я бы... очень этого хотел...

– Я подумаю, – обрубаю, проверяя время на своих smart-часах. – Мне пора. Нужно в банк заехать. Созвонимся на неделе.

– Влад... – Он встает вместе со мной и выглядит так, будто я просачиваюсь у него сквозь пальцы, и сделать с этим он ничего не может.

Я тоже не могу. Я ему не мщу, просто считаю, что наши отношения уже ничто не спасет.

– До встречи. – Хлопаю его по плечу. – Счет я оплатил.

Выхожу из ресторана, предпочитая не оглядываться. На-

деваю солнечные очки, двигаясь по парковке к своей арендованной машине. Я особо не выбирал, это черный «БМВ» прошлогоднего выпуска, в который сажусь и сразу запускаю климат-контроль.

Не трогаясь с места, смотрю на свой телефон, который приклеил к панели.

Сверлю его глазами, сжимая и разжимая кулак на бедре.

— Блять...

Возвращение в Москву далось мне непросто. В этом городе слишком много триггеров, на которые я угробил бесконечные часы в компании с психоаналитиком, но сейчас меня штормит.

Штормит с тех пор, как четыре дня назад я увидел девушку, образ которой, как галлюцинация, преследует меня в любой точке мира все эти гребаные пять лет.

Арина Беккер. Моя Моцарт.

Пять лет назад она залетела в мою жизнь и выбрала для этого самый неподходящий момент, хотя подходящих для нее в моей жизни и не было.

Свалилась на голову.

Юная влюбленная девственница, которая за неделю траха без обязательств просочилась под кожу, как самый опасный яд.

Я не знаю, когда и как пустил ее туда. Я... не должен был принимать ее провокации, и в то же время понимаю, что принял бы их при любом раскладе снова.

Она будто всю жизнь была где-то рядом. Сначала тощим подростком с огромными голубыми глазищами, потом де-вушкой с таким же наивным взглядом и принципами, чистейшими, как слезы младенца. Любовь до гроба. Фанфары и белые, твою мать, свадебные голуби, не меньше.

Я не мог ей дать того, что она так отчаянно хотела от меня получить. Не мог!

Я не мог оставаться в Москве. И не хотел здесь оставаться. Не мог строить какие-то отношения с двадцатилетней влюбленной, витающей в розовых облаках девчонкой, потому что ни хрена не мог ей дать, кроме дерьма, которое тянулось за мной, как вытоптанный след. Тем более не мог делать этого с младшей сестрой лучшего друга, который был со всем моим дерьмом знаком, как никто другой.

Она кричала о своей любви и гордо несла ее как знамя, не зная обо мне ни черта. Я молчал в ответ. Пускать кого-то значимого в свою жизнь я был не готов. Я ни хрена не мог ей дать. Ни-хре-на.

Я знаю, почему вернулся.

Потому что меня тянуло сюда магнитом последние пару лет, но даже тогда я понимал, что из этого ничего хорошего не выйдет, а теперь у меня просто срывает клапан оттого, что за пятнадцать проведенных в ее обществе минут я, блять, не смог ни разу оторвать от нее глаз.

Я помню все. Каждый проведенный с ней день. До мелочей. И меня бесит, что я не понимаю ее новую. Закрытую от

меня и от всех. Все, чего мне хочется с тех пор, как увидел ее снова, — до нее дотронуться. С гребаным голодом, на который, я думал, давно неспособен.

Глава 7

Влад

Вид из окон отельного номера вызывает только одну мысль: я отвык от мегаполисов.

От этого и от любых других.

Память должна была сработать молниеносно, но у меня она запаздывает.

Продолжительная жизнь на тропическом острове имеет свои подводные камни. Один из таких – время. Там оно растягивается, и это расслабляет так, что в какой-то момент возникает угроза стать ленивым и на все забившим.

Меня спасла работа и новые проекты. Слишком много проектов, чтобы я мог позволить себе быть ленивым.

Отворачиваюсь, застегивая платиновую запонку на манжете рубашки.

В моем отеле закрытое мероприятие по приглашительным: вручение премий для российских предпринимателей по итогам прошлого года. Меня пригласил один из постоянных клиентов, можно сказать, наши взаимоотношения отдаленно напоминают дружбу, потому что вышли за рамки исключительно рабочих контактов.

Ключи от моей квартиры уже давно у меня. Они хранились здесь, в Москве, в банковской ячейке вместе с кое-какими документами, но переезжать в нежилую квартиру по-

ка нет желания. Я знаю, что меня там ждет: затхлый воздух, укрытая чехлами мебель и пустой холодильник. Мне привычнее и удобнее жить в отелях, когда я меняю свою локацию, но в этом городе все летит к чертям.

На тумбочке рядом с зеркалом в полный рост заряжается телефон.

Уже минут пять я трахаю и потрошу его глазами с одним единственным желанием – напомнить о себе.

Набрать номер и поинтересоваться у своего менеджера, как обстоят дела с обещанной мне подборкой домов. Проверить и прощупать своего менеджера собственными руками. Без посредников и предположений. Напрямик.

Мне по хер на эти дома. Я решил частично осесть на Бали, но этот вопрос не срочный. Сейчас я никуда не бегу. Не тороплюсь. Я уже пару лет никуда не тороплюсь, но конкретно последние четыре дня это не мешает мне получать под дых каждый раз, когда перед глазами встает лицо, упрямо швыряющее в меня равнодушием.

Моя Моцарт выросла.

Работает риелтором и позволяет мужику, от которого когда-то шарахалась, себя трахать.

Делаю вторую попытку завязать галстук, узел опять похож на херню.

Распускаю и упираюсь руками в комод, снова глядя на свой телефон.

На хер.

Я выждал достаточно. Почти два дня.

Смахиваю блокировку и вызываю абонента, номер которого все эти годы хранил в своем справочнике как неприкосновенный. Включаю громкую связь, слушая затянувшиеся гудки.

Ну давай, Моцарт...

Я же сказал, что не кусаюсь.

Хочу, чтобы ты сама меня укусила. Показала зубы, показала, как выросла.

Она сказала, что я теперь ничего о ней не знаю. И это так.

Андрей не поставил меня в известность о моем менеджере, но я могу понять, почему заочно он выписал мне именно этого сотрудника. Свою сестру. Это дружеская забота. Качество, которое я всегда в нем ценил. За эти годы я не раз интересовался делами его семьи, но их дела мы никогда не обсуждали так детально, как будто я ее член. Он никогда не грузил меня их проблемами. Делать это в короткие встречи на другом конце земного шара было бы удивительно. Я получал от него общие ответы, вроде того, что у них все хорошо. Меня это устраивало. Да, твою мать, устраивало. Мои собственные дела были настолько нестабильными, что я и сам не хотел его грузить. Так совпало, что он прилетел в Лондон в ту неделю, когда я развелся. Почти три дня мы напивались и обсуждали финансовую стратегию его нового бизнеса. В следующий раз мы встретились в Сингапуре только через два года.

Тараню глазами телефон, пока знакомый звонкий голос не

заполняет комнату:

– Алло.

Один звук этого голоса дает эмоций больше, чем все, что происходило со мной в последние годы. Я думал, что эмоционально сдох, но еще четыре дня назад понял, что нет.

Сдернув с комода галстук, набрасываю на шею и снова делаю попытку его завязать.

В этот раз спокойно и без истерики.

– Привет.

– Влад?

– Отвлекаю?

– Да, немного, – торопливо говорит Арина. – Ты что-то хотел?

Я много чего хочу.

Возможно, того, на что был неспособен когда-то, а сейчас... Я не собираюсь врваться в ее жизнь и ломать все к хуям, но слышать ее голос никто не может мне запретить. И думать о ней тоже.

На заднем плане у Арины тонкий детский визг, и я жду, пока он утихнет. Надеюсь, параллельно с риелторством она не устроилась в няни. Хотя я бы не удивился. Сезон экспериментов у нее явно открыт.

– Хотел узнать, как продвигается твоя работа.

– Отлично. Все под контролем. – Теперь ее голос плавает в фоновой вакуумной тишине, наверное, она вышла из комнаты. – Что-то еще?

Усмехаюсь, просовывая конец галстука в петлю и делая аккуратный узел.

– Пожалуй. Ты слышала про Балеганджур?

– Это район на острове? Что-то новое? Я посмотрю информацию...

Кладу руки на пояс, глядя на телефон.

Хочу видеть ее лицо. Ей идет новая прическа. Хочу видеть ее голубые глаза и чувственные губы. Ощутить на себе ее взгляд. Желание жжет где-то под ребрами, снова лупит меня под дых.

– Это балийские песнопения, – объясняю. – Духовная музыка. Рождается из бардака разных музыкальных инструментов, странная вещь. Ты бы оценила.

В динамике наступает короткое молчание, я слышу шум дыхания Арины и сжимаю губы.

Давай.

Реагируй.

– Музыка меня не интересует.

Я ей не верю.

Я знал, что меня здесь не ждут. Знал, когда садился в самолет. Я готов сесть в него снова, только одна маленькая деталь не дает мне спокойно убраться из города: я, твою мать, ей не верю.

– С каких пор тебя не интересует музыка, Моцарт?

И хоть о ее жизни я ничего не знаю, это я хочу знать. Мне важно знать, как можно отказаться от того, чем живешь и ды-

шишь. Этот чёртов вопрос засел в моем мозгу гвоздем. Она не должна была бросать музыку. Она должна была и дальше разговаривать с цветами, музицировать и улыбаться, как гребаное солнце, какому бы дерьму я ее ни учил.

Арина молчит.

Слушаю эту тишину, чувствуя, как мышцы деревенеют, а сердечный ритм ускоряется.

Не бросай трубку, Беккер. Поговори со мной еще...

– Каталог домов будет у тебя в почте завтра. Пока, Влад.

Ее голос сменяют короткие гудки.

Я смотрю на телефон еще несколько секунд, в течение которых сжимаю и разжимаю кулак.

Я не верил в то, что ее чувства ко мне могут быть чем-то большим, чем юношеская влюбленность. Твою мать, ей было двадцать, а наши отношения начали скатываться во что-то неконтролируемое уже тогда, когда я лишил ее девственности.

Как-то в университете, на одной из факультетских попок, мы с ее братом трахали одну девушку на двоих. Он бы втоптал мне в глотку кулак, если бы узнал о том, что я трахаю его сестру...

Но я все равно эгоистично это сделал. На нее было легко подсесть.

Дергаю с вешалки пиджак и надеваю его на ходу, попутно забирая телефон с комода. Хлопаю дверью, когда выхожу из номера, срывая на ней свой неудовлетворенный голод, с ко-

торым теперь не расстаюсь.

Внизу у лифта вижу своего клиента. Это мероприятие негласно в его честь. Это часть маркетинговой стратегии, которую он разработал, в том числе и при моем участии.

– Вечер добрый. – Протягивает мне руку Роман Гец, один из самых успешных инвестиционных стартаперов страны.

Глава 8

– Движение перекрыто, ближе не подъедем, – объясняет таксист, пытаясь припарковаться у тротуара.

– Хорошо. – Егор смотрит в свой телефон, набирая какое-то письмо в почте.

На улице накрапывает дождь, но о сохранности прически я волнуюсь меньше всего, мои внутренние терзания посвящены другим вещам. Я перевариваю истерику дочери, которую она устроила, узнав, что я опять ухожу из дома и неизвестно когда вернусь. Сегодня среда, по средам мы обычно смотрим мультики и что-нибудь готовим, и мой уход не привел ее в восторг.

Егор притащил меня на мероприятие, посвященное вручению каких-то премий в области предпринимательства. Он должен был присутствовать на нем вместе с Андреем, но брат застрял в Китае на переговорах, и мы даже не уверены, успеет ли вернуться к моему дню рождения.

Я собиралась в спешке.

Здесь заявлен вечерний дресс-код, и у меня оказался единственный подходящий наряд, который не нужно было отглаживать и приводить в порядок, – белое шелковое платье в пол на бретельках с открытой спиной. У меня не было времени подобрать под него подходящее белье, только серги. Платье слишком тонкое, поэтому пришлось выйти из дома

вообще без белья. Я не сказала об этом Рязанцеву, со стороны это все равно выглядит так, будто на мне что-то бесшовное и незаметное.

Егор предупредил в последний момент. Ни он, ни мой брат ни на что не номинируются, здесь номинанты немного из другой плоскости доходов. На пару ступеней выше. Значительно выше. Но на таких мероприятиях всегда лучше засветиться, чем нет.

– Выходим. – Егор открывает дверь, подхватывая мою руку.

От суматохи, которую два часа назад посеял в моих мыслях Градский, и от капризов дочери мне тоже хочется закричать! Мои волосы снова сырые, я снова не успела до конца их высушить, и они начали закручиваться на концах и пушиться у корней.

– Сейчас! – истерично выкрикиваю, пытаюсь забрать свою руку назад.

Мне нужно собрать платье, чтобы оно не волочилось за мной по мелким лужам, которые остались после дождя.

Выбираюсь из такси, испытывая дикое желание сесть обратно и убраться отсюда подальше. Мне кажется, что сейчас я просто взорвусь.

На Рязанцеве костюм, который сидит исключительно отлично. Даже идеально. Егор выглаженный и причесанный, в отличие от меня. Подает мне руку, терпеливо дожидаясь, когда я наконец-то выберусь из машины, и поддерживает за ло-

коть, пока идем ко входу люксового брендированного отеля.

Швейцар открывает нам дверь, мы заходим внутрь вместе с группой других гостей. На входе охрана обследует нас металлоискателем и сверяется со списками приглашенных.

Боже, сколько народа.

Вспышки фотоаппаратов мигают со всех сторон. Над головой огромная люстра с хрустальными подвесками, мраморный пол отражает все эти блики, ослепляя глаза.

Когда-то... в другой жизни, я играла на сцене для нескольких сотен человек, и теперь мне кажется, что это было в разы проще, чем сейчас, а может, я просто забыла, каково это было...

В лобби я пальцами зачесываю волосы назад и проверяю свой макияж в одном из зеркал в полный рост. Рядом стоит огромный вазон с белыми пионами, не удержавшись, протягиваю руку, касаясь кончиками пальцев своих любимых цветов.

– Арина... идем...

– Мне нужна минута! – срываюсь, отворачиваясь обратно к зеркалу, и выверенным движением наношу на губы красную помаду.

Мой макияж тоже на скорую руку. Спасает то, что сейчас лето и легкий тон, румяна и тушь на ресницах можно засчитать как уместный вечерний образ. Я надеюсь.

Здесь будто весь город собрался, но я не вижу ни одного знакомого лица. Просовываю руку под предложенный Его-

ром локоть, прижимаясь к нему, чтобы увереннее двигаться на новых шпильках.

Делаю вдох поглубже, успокаивая дыхание.

Я хочу шампанского. В горле пересохло.

– Побудь здесь. – Рязанцев подводит меня к основанию большой лестницы в центре. – Узнаю, где наши места в зале.

– Ладно.

Он уже разворачивается, чтобы уйти, но в последний момент сжимает ладонью мой локоть и шепчет на ухо:

– Ты, как всегда, отлично выглядишь.

– Спасибо...

Провожая глазами его широкую спину, пока она не скрывается из вида за телами других людей.

Мимо проходит официант с подносом, на котором высокие бокалы с игристым.

Торможу его и беру один, двумя глотками выпиваю половину, и только после этого достаю из сумки телефон, чтобы набрать маму и узнать, как у них с Софийкой дела.

Номер Градского висит в списке последних вызовов.

Несколько секунд испепеляю взглядом эти одиннадцать цифр, которые когда-то я стерла из памяти своего телефона.

Чем дольше он в городе, тем сильнее меня скручивает в узел тревожными мыслями и сомнениями, они и сейчас давят изнутри.

Что будет, если он решит остаться навсегда?

Я не буду думать об этом сейчас.

Отсутствие на мне трусов под сквозняком кондиционеров ощущается так, будто у меня на лбу алая буква. Мне уже не кажется, что это было такой хорошей идеей.

– Мы собираемся в ванную... – мама без предисловий вводит меня в курс дела. – У нас все под контролем.

– Хорошо... – Прижимаю фужер к пылающей щеке. – Там в шкафчике есть бурлящие шары с игрушкой внутри. Возьмите один, но не показывай ей, где лежат остальные.

– Отдыхай. Я тебя дождусь.

Когда я была беременна, никто не предупреждал меня о том, что кризисы у детей случаются не по расписанию, составленному психологами – то есть в год, два и три, а чуть ли не каждую неделю.

Моя беременность протекала легко. Настолько легко и хорошо, что я обнаружила ее наличие только через два месяца после возвращения из Турции.

Первой реакцией был шок. Паника.

Я была растеряна, не знала, что делать. Кристина пошла со мной на первый прием к врачу, и только потом я рискнула признаться родителям. Они были в недоумении. Их лица были такими ошеломленными, что мне хотелось истерически смеяться! Но через какое-то время все стали счастливы, и я тоже...

Вначале они часто спрашивали меня про отца ребенка, а потом просто перестали. Моя легенда их вполне удовлетворила.

А я... решила оставить его в покое... как он того и хотел...
– Спасибо. Люблю... – Мой ответ внезапно застревает в горле.

Забываю, что хотела сказать, цепляясь глазами за фигуру прямо по курсу в пяти метрах от себя.

Черный вечерний костюм, белая рубашка, оттеняющая ровный балийский загар... прямая спина, широкие плечи и узкие бедра.

Впиваюсь глазами в затылок Влада и, кажется, даже отсюда слышу его смех.

Его лицо обращено к высокой и стройной, как статуэтка, брюнетке в красном платье, к которому ни один стилист не посмел бы придаться.

Она настолько яркая и экзотичная со смоляными волосами, собранными в прическу, что у меня слепит глаза.

Красивая.

Ее губы шевелятся, и Влад снова отрывисто смеется, а потом предлагает ей свой локоть.

Я испытываю чувство дежавю, от которого мне становится трудно дышать.

Градский и другая женщина.

Она цепляется за него, улыбаясь, пока они совершают плавный разворот к лестнице.

Сталкиваюсь глазами с Градским, и кадык на его шее резко дергается.

Он опускает взгляд с моего лица ниже по телу, и я чув-

ствую, как от этого взгляда волоски на руках встают дыбом.

Развернувшись на шпильках, ныряю в ближайший коридор, собираясь найти туалет.

– Арина! Ты где? Все хорошо? – голос мамы, напоминает о том, что мы все еще разговариваем по телефону.

– Мам... Поцелуй Софи... мне пора. – Сбрасываю вызов.

Глава 9

Зрительный зал рассчитан человек на двести, и он гудит вокруг меня, иногда взрывается аплодисментами, в которых я участвую по инерции.

– Мне нужно с ним познакомиться, – слышу голос Рязанцева справа от себя.

Его взгляд направлен на сцену. Туда, где одна известная медийная личность вручает наградную статуэтку высокому брюнету с короткой темной бородой и в костюме «Баленсиага», но я все равно бездумно спрашиваю у Егора:

– С кем?

– Роман Гец, – поясняет. – Очень плотно закрепился в Индонезии. Один из первых...

Мужчина на сцене произносит речь, которую я не слушаю.

Впереди, прямо у сцены, пара десятков столов для гостей с VIP- пригласительными и для номинантов, и я упрямо отвожу глаза от затылка Градского, к которому то и дело их приклеиваю.

Великолепная спутница Влада сидит по правую руку от него, рядом с ней пустое место, я вижу, как через минуту это место занимает тот самый Роман Гец, который спустился со сцены.

Стол заслоняет проходящая мимо группа гостей.

Я смотрю на бокал шампанского у себя в руках, оно от-

лично опустошило мою голову. После безумной гонки последних часов я наконец-то не чувствую себя лошадью на скачках, но волнение под кожей не выжечь даже спичкой.

– Понятно... – бормочу, посмотрев на Рязанцева.

Егор болтает виски со льдом в своем бокале, свесив руку со спинки стула.

– Судя по всему, Градский не только сопли в Тибете подтирал. Как думаешь, он поделится связями с сестрой лучшего друга?

Выражение его лица насмешливое.

Неприятный осадок от его жестких слов я заглушаю крошечным глотком из бокала.

– Спроси у него сам, – советую тихо.

– Обязательно, – сухо отзывается Егор.

Пять лет назад Рязанцев с Владом не очень ладили. По крайней мере, мне так казалось. Между ними будто было соперничество, но не открытое, а замаскированное под наплевательское отношение друг к другу. Я не знаю, общались ли они в последние годы, но не стану у Егора об этом спрашивать.

Голова Влада поворачивается, глаза вскользь осматривают зал.

Я вижу его гладко выбритый профиль и опускаю лицо, глядя на свой маникюр.

За их столом оживленная беседа. Там восемь человек, включая Градского, Романа Геца и женщину в красном.

Ведущие переходят к следующей номинации, которую зал встречает очередными аплодисментами. Все это мероприятие длится еще не меньше часа. Я устаю хлопать, устаю следить за происходящим и устаю сидеть. Как только официальная часть заканчивается, гостям предлагают пройти в ресторанный зал и пообщаться в более неформальной обстановке.

Вспышки фотокамер снова раздражают глаза.

Егор держит меня за локоть, целенаправленно двигая нас к ресторану. Я знаю что, точнее – кого он ищет, от этого внутренне напрягаюсь, понимая, что встречи не избежать.

Мы делаем пару снимков на фоне спонсорского баннера и проходим в ресторан.

Стараюсь дышать ровно и спокойно. Улыбаться. Это не должно быть сложно, ведь больше от меня ничего и не требуется...

Все в той же компании Градский расположился у барной стойки, где выставлены закуски и напитки. Он видит нас и кладет ладони в карманы брюк, делая шаг в сторону, будто не сомневался в том, что Егор появится рядом с ними с минуты на минуту.

– Добрый вечер. – Рязанцев протягивает Владу руку, словно они старые добрые друзья, и по-свойски похлопывает его по плечу.

– Добрый. – Градский принимает рукопожатие, а потом представляет Рязанцева остальным.

Я не сомневаюсь в том, что он делает это для Андрея, ведь

Рязанцев с моим братом в одной лодке, и выражение лица Влада ничем не выдает его отношения к этой маленькой комедии.

Пока мужчины обмениваются приветствиями, я не могу игнорировать то, что на талии брюнетки в красном лежит ладонь совсем не Градского, а Романа Геца.

Это не должно нести мне чертово облегчение, но приносит. Ровно на секунду. На крошечную миллисекунду, ведь я запрещаю себе об этом думать сразу, как только эта мысль вообще сформировалась в голове.

У Егора звонит телефон. Я вижу, как он терзается, решая, принимать вызов или нет, но в конечном итоге сдается и объявляет:

– Важный звонок, извините.

Развернувшись, он быстро идет к выходу, и я остаюсь одна в обществе незнакомых людей, постепенно выпадая из разговора, потому что он переключается на гольф, в котором я ни черта не понимаю.

– Как у вас возникла эта идея, Роман? – спрашивает у Геца его собеседник, пожилой мужчина в бабочке и круглых очках.

– Строить поля для гольфа? – уточняет тот.

Он высокий, даже слишком. Почти на голову выше Градского. И крупнее. И очень привлекательный, загар идет ему так же, как и его спутнице, хотя, возможно, ее кожа и от природы такая смуглая.

– Да, рискованное занятие. Своеобразная ниша, тем более на индонезийском рынке свои нюансы.

– У меня хороший финансовый консультант.

– Может, он и со мной поработает? – обращается мужчина к Владу. – Почему гольф? Идея дико интересная.

– Из-за климата прежде всего, – отвечает ему Градский. – С травой на Бали проблем нет.

Мужчины сопровождают его слова сдержанным смехом. Он принимает эти лавры спокойно, продолжая держать руки в карманах брюк, и перехватывает мой взгляд.

Я почти решила извиниться и покинуть эту компанию, но Влад делает ко мне плавный шаг. Край его пиджака касается моего голого плеча, голос раздается над головой:

– Роман, могу я твою супругу отвлечь?

Брюнетка поворачивает к нам лицо, перестав изучать потолок.

– Конечно, – отвечает мужчина и смотрит на нее, склонив голову.

– Юля, это Арина, – кивает Градский на меня. – Арина, это Юлия Гец, мой друг.

– Как приятно это слышать, – улыбается она. – Очень приятно... – смотрит на меня с вежливой, но ничего не значащей заинтересованностью.

– И мне, – отдаю дань этикету и тоже улыбаюсь, хотя хочу провалиться сквозь землю.

Не из-за толпы незнакомых людей вокруг, а из-за того, что

Градский и не думает увеличивать расстояние между нами.

– Юля давно не была в Москве, – продолжает он. – Может, составишь ей компанию? За завтраком или обедом, ну или чем еще занимаются женщины, – добавляет.

– Много чем, – отзывается она.

До моего носа долетает запах его парфюма. Я нервничаю, и быть самой собой становится выше моих сил, поэтому мой вопрос звучит как перетянутая струна.

– Вам нужна компания? – интересуюсь у нее.

– Можно на ты. – Протягивает мне свою ладонь с усеянным бриллиантами браслетом на запястье. – Юля...

– Арина. – Легонько пожимаю ее руку и знакомлюсь с ней заново, уже на ты.

– Вы с Владом друзья?

– Мы... – кошусь на Градского. – Да... давние друзья.

Влад посылает мне кривую усмешку. Опускает глаза, царапая ими мою грудь.

– Я знал Арину еще подростком, – сообщает.

– О, надо же... – отвечает она вежливо.

Из соседнего зала начинает звучать саксофон, к которому присоединяются гитара и ударные. Брюнетка отворачивается к мужу, что-то говоря, но я не успеваю разобрать, потому что слышу у себя над ухом вопрос:

– Потанцуешь со мной?

На мою талию опускается горячая ладонь.

Пальцы Градского задевают бедро, легко скользнув по

гладкой шелковой ткани платья.

Его движение со стороны выглядит совершенно безобидно. Предельно уважительно. Но он вторгается в мое личное пространство так просто и беспрепятственно, что у меня слабеют колени.

Градский ждет ответа, не собираясь убирать свою ладонь.

Я чувствую ее обжигающее тепло через тонкий шелк, и больше всего меня будоражит как раз то, что это прикосновение такое невесомое...

Находясь здесь и сейчас, я общаюсь с ним без слов. Именно это мы и делаем! Ведь он не позволяет своей руке сдвинуться и на миллиметр, считывая предупреждение в моих глазах, когда смотрю на него.

– Мне нужно дождаться Егора. – Веду плечом, надеясь стряхнуть с него мурашки.

Теплое дыхание касается моей щеки.

– Ты не потеряешься, – бормочет Влад, подталкивая меня в сторону соседнего зала.

Молчу, делая то, что он хочет. Устроить истерику на глазах у всех этих людей мне хочется меньше всего...

Сердце принимается отбивать учащенный ритм, поднимая мою температуру.

Оглядываю зал, но Рязанцева нигде не вижу.

Площадка для танцев почти пустая. Мы занимаем место в самом центре и становимся лицом друг к другу.

Так близко. Так близко он не был целую вечность. Я не

знаю, что чувствую. Кроме его тела, больше ничего вокруг, хоть он по-прежнему не позволяет себе ничего лишнего. Кладет руку мне на спину, и я вздрагиваю от контакта подушечек его пальцев с моей голой кожей. Ткань его пиджака прохладная под *моими* пальцами. Под ними каменные мышцы его плеча, тепло его тела просачивается в кровь, когда чуть соприкасаемся грудью.

Мы начинаем плавно двигаться, покачиваясь почти на месте.

Влад смотрит на меня, опустив подбородок.

– Ты напряжена, в чем дело? – Его голос звучит чертовски интимно. – Без белья так некомфортно?

Вскидываю на него глаза, вместо слов выпустив из себя воздух.

У меня вспыхивают щеки.

Он обводит мое лицо взглядом, смотрит на мои губы.

До боли знакомый и в то же время нет. Нет...

Я его не знаю. Не понимаю. Но, глядя в его глаза, я не могу бороться с тем, как хорошо мое тело его помнит!

– Наличие на мне белья должно волновать тебя в последнюю очередь.

– Извини, Моцарт. Это пиздец как волнует.

Я не слышу саксофон. Весь мир замедлился и перестал существовать.

В ушах шумит лишь стук моего сердца, и он ни черта не ровный.

– Не называй меня так. Все это... давно забытое прошлое...

Столкнувшись глазами, смотрим друг на друга.

Градский кивает.

– Хорошо, как скажешь. Так ты отдала свое белье Рязанцеву, и он оставил тебя одну?

Вместо того чтобы послать его к черту вместе с этими вопросами, я спрашиваю:

– Тебя интересует судьба моих трусиков?

– Я просто не усну, пока не разберусь с этой задачей.

– Я не собираюсь тебе помогать.

– Очень жаль...

Мы что, флиртуем? Это определенно похоже на флирт!

Влад улыбается, а мое сердце делает неровный предательский кульбит.

Большим пальцем он надавливает на позвонки у основания моей спины, наблюдая за моим лицом и за тем, как с моих губ слетает неконтролируемый выдох.

Я должна хотеть, чтобы он уехал из города как можно скорее, пока не перевернул все вверх дном, но вместо этого молча наблюдаю за тем, как его зрачки расширяются, заполняя серую радужку.

– Любишь его? – спрашивает он вдруг.

Между нами повисает напряженная тишина.

Я прекрасно понимаю, что он имеет в виду не мое отсутствующее белье.

Он задал вопрос, который до него мне не задавал никто, и меня это устраивало. Наши отношения с Егором хороши тем, что они такие, какие есть. Без диких чувств, страсти и эмоциональных качелей. Я не боюсь того, что, даже если они вдруг закончатся, мне будет больно. Эти отношения безопасные. И я не собираюсь говорить о них с женщиной, который познакомил меня с болью ближе некуда.

– Это тоже тебя не касается.

Влад кривовато усмехается, словно ему не нравится мой ответ.

– Осталось в твоей жизни что-то для меня?

Сглотнув, я смотрю ему в глаза.

Мне страшно снова оказаться на краю глубокого обрыва, но есть мысли, которые не дают мне нормально спать с того момента, как он вернулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.